

Степной найденыш

Автор:

Фрэнсис Брет Гарт

Степной найденыш

Фрэнсис Брет Гарт

Кларенс Брант #1

«Степной найденыш» – первая часть трилогии Брета Гарта о Кларенсе Бранте, в центре которой история жизни главного героя – золотоискателя. Как и многие другие произведения Брета Гарта, повесть рассказывает о власти золота, о мужестве людей, отвергнутых буржуазным обществом и ищущих себя на золотоносных приисках. Как говорит писатель, это книга «от американца для американцев», чтобы разъяснить, «что в истории Америки является подлинно великим и сильным».

Брет Гарт

Степной найденыш

© Перевод. В. Хинкис, наследники, 2019

© Агентство ФТМ, Лтд., 2019

* * *

Глава I

Бесконечная, унылая, серая равнина, чуть голубеющая вдали, да кое-где темные пятна стоячей воды. Порой – пустоши, и на них неровные черные кострища, а в золе – обрывок газеты, старая тряпка или расплющенная жестянка. Вдали – низкая темная черта, которая ночью словно уходит в землю, но по утрам, едва забрезжит рассвет, появляется снова, на том же месте, на той же высоте. Все едешь и едешь неведь куда, а к вечеру непременно возвращаешься на прежнее место – та же равнина, те же люди вокруг, та же постель и тот же противный черный купол, опрокинутый над головой. Известковый привкус пыли во рту и на губах, песок, забивающийся под ногти, всепроникающая жара и запах скота.

Такой представлялась Великая прерия двум детям, глядевшим на нее из крытого переселенческого фургона, поверх покачивающихся бычьих голов, летом 1852 года.

Вот уже две недели она расстилалась перед ними, всегда одинаковая, не удивляя и не докучая своим однообразием. Когда они смотрели на нее, шагая рядом с фургоном, к прежней картине добавлялась упряжка быков – и только. На парусиновой кровле одного из фургонов большими черными буквами было написано: «Вперед, на Калифорнию!», на другом – «Пусти корни или умри», но ни та, ни другая надпись вовсе не казалась детям смешной или остроумной. По-видимому, у них не укладывалось в сознании, что мрачные люди, которые порой шагали рядом с фургоном и к вечеру становились все молчаливее и угрюмее, были когда-то способны шутить.

И все же впечатления у детей были не совсем одинаковые. Старшему из них, одиннадцатилетнему мальчику, явно были в диковинку обычаи и уклад жизни, с которыми младшая, семилетняя, девочка, видимо, сроднилась сызмала. Еда была проще и хуже приготовлена, чем та, к которой он привык. В отношениях между людьми царил свобода и бесцеремонность, в домашнем обиходе – простота, граничащая с грубостью, а говорили они так, что порой он не понимал почти ни слова. Спал он не раздеваясь, завернувшись в одеяла; он понимал, что должен сам следить за собой, сам добывать себе воду для умывания и полотенце. Впрочем, мальчик едва ли страдал от этого, его, по молодости лет, занимала лишь новизна. Он с аппетитом ел, крепко спал, и жизнь казалась ему интересной. Лишь иногда грубость спутников или, что еще хуже, их безразличие, которое заставляло его чувствовать свою зависимость от них, пробуждало в нем смутное ощущение какой-то несправедливости, совершенной по отношению к нему, и хотя никто из окружающих об этом не догадывался, да и

сам он пытался отмахнуться от этого тягостного чувства, оно все время дремало в его детском сознании.

Его спутники знали, что он сирота, его привел к ним в «Сент-Джо»[1 - Сент-Джо - Сент-Джозеф, город на востоке США.] какой-то родственник его мачехи с тем, чтобы в Сакраменто мальчика сдали на руки другому родственнику. Так как мачеха даже не пришла с ним проститься, а отправить его поручила своему родственнику, у которого он жил последнее время, в караване решили, что она просто-напросто «сплывила» его, и даже сам мальчик невольно смирился с этой мыслью. Сколько было уплачено за его проезд, он не знал; он помнил только, что ему велели «не болтаться зря». И он охотно помогал всем, хотя порой неумело, как всякий новичок; впрочем, это не означало, что он у них в услужении или чем-либо выделяется среди этих людей, которые все, как один, не гнушались тяжелой работой, и жизнь казалась ему чудесной, как сплошной затянувшийся пикник. К тому же миссис Силсби, мать его маленькой подружки и жена главного караванщика, не делала различия между ним и своей дочерью. Рано состарившаяся, болезненная, измученная заботами, она была просто слишком занята, чтобы уделять дочке больше материнской заботы, и одинаково сердито ворчала на обоих детей.

Задний фургон скрипел, раскачивался и медленно, тяжело катился вперед. Копыта быков, мерно, с глухим стуком ударяя по земле, вздымали по обе стороны колеи маленькие дымчатые облачка пыли. В фургоне дети играли в магазин. Девочка, изображая богатую и привередливую покупательницу, выбирала товар, а мальчик сидел за прилавком, сооруженным из подручных средств, - фургонного сиденья, положенного на бочонок с гвоздями; они называли друг друга то настоящими, то вымышленными именами, как придется, и расплачивались ходкой монетой, в которой никогда не было недостатка, - сушеными бобами и кусочками бумаги. Когда возникала нужда дать сдачу, это делалось проще простого: бумагу рвали на более мелкие клочки. Запасы в лавке не иссякали - один и тот же товар покупался несколько раз под различными наименованиями. Однако, несмотря на столь благоприятные для коммерции условия, торговля шла вяло.

- Могу предложить вам прекрасную материю двойной ширины по четыре цента ярд, - сказал мальчик, вставая и опираясь кончиками пальцев о прилавок, как часто делали приказчики у него на глазах. - Чистая шерсть и отлично стирается, - добавил он развязно и в то же время с важностью.

– У Джексона я могу взять дешевле, – возразила девочка с бессознательным лукавством, свойственным представительницам ее пола, которые так любят торговаться.

– Ну и пожалуйста, – сказал мальчик. – А я больше не играю.

– Подумаешь! – отозвалась девочка равнодушно.

Мальчик быстро развалил прилавок: скатанное одеяло, изображавшее материю, из-за которой шел спор, упало на пол фургона. Это, видимо, подало недавнему продавцу новую мысль.

– Слушай! Давай играть в «дешевую распродажу». Понимаешь, я свалю все в кучу и стану продавать задешево.

Девочка посмотрела на него. Это предложение показалось ей слишком дерзким и в то же время заманчивым. Но она, видимо, из упрямства, отказалась и взяла свою куклу, а мальчик залез на козлы. Неудавшаяся игра была мгновенно забыта с равнодушием и легкомыслием, общим для всех зверенышей. Если бы оба могли в тот же миг улететь или ускакать в разные стороны, они сделали бы это без всяких церемоний, беззаботно, как птица или белка. А фургон все катился вперед. Мальчик увидел, как один погонщик залез в задок переднего фургона. Другой продолжал сонно шагать по пыльной дороге.

– Клаленс, – позвала девочка.

Мальчик, не поворачивая головы, отозвался:

– Тебе чего, Сюзи?

– Ты кем будешь? – спросила она.

– Кем буду? – переспросил Кларенс.

– Ну, когда вырастешь, – пояснила Сюзи.

Кларенс ответил не сразу. Он давно и твердо решил стать пиратом, беспощадным, но справедливым. Однако в то утро он прочитал в истрепанном «Путеводителе по прерии» про форт Ларами и Кита Карсона[2 - Кристофер Карсон – известный в прошлом веке американский охотник.] и предпочел судьбу разведчика, что было гораздо доступнее и не требовало такой массы воды. Но, полагая, что Сюзи не знает, кто такие разведчики, и щадя ее самолюбие, он умолчал о том и о другом, скромно ответив, как и полагается всякому уважающему себя американскому мальчику:

– Президентом.

Верное дело, тут и объяснять ничего не нужно, и все старики, услышав такой ответ, ласково гладят тебя по головке.

– А я буду женой священника, – сказала Сюзи, – разведу кур, и все будут приносить мне подарки. Пеленки, распашонки, яблоки, яблочный соус... и патоку! И снова пеленки! И мясо, когда поросенка заколют!

Она уселась с куклой на дно фургона, спиной к нему. Ему была видна ее круглая кудрявая головка и согнутые голые коленки с ямочками, на которые она напрасно пыталась натянуть подол своей короткой юбочки.

– А женой президента мне быть неохота, – сказала она, помолчав.

– Ты и не можешь!

– Могу, только не хочу.

– Нет, не можешь!

– Нет, могу!

– А вот и не можешь!

– Это почему?

Затрудняясь объяснить, почему, по его мнению, она не пригодна для такой роли, Кларенс решил, что молчание будет не менее уничтожающим ответом. Они долго молчали. Было жарко и пыльно. Фургон, казалось, почти не двигался. Кларенс посмотрел на дорогу сквозь полукруглое отверстие над задним бортом фургона.

Он вскочил и прошел назад.

– Я вылезу, – сказал он, перекидывая ноги через борт.

– Мама не велит, – сказала Сюзи.

Кларенс не ответил и прыгнул на землю у самых медленно вращавшихся колес. Он мог свободно идти шагом, держась за задний борт.

– Кларенс!

Он поднял голову.

– Сними меня!

Она уже натянула капор и стояла у откидного борта, протянув ручки, уверенная, что он ее поймает, и мальчик не мог ей отказать. Он ловко подхватил ее. Они постояли немного на месте, а фургон с грохотом удалялся, раскачиваясь из стороны в сторону, словно плыл по бурному морю. Они не двигались, пока фургон не отъехал шагов на сто, а потом в полуискреннем-полупритворном, но веселом испуге пустились бежать и нагнали его. Они сделали так несколько раз, пока не иссякли их силы и не остыл интерес, и снова не спеша побрели за фургоном, взявшись за руки. Вдруг Кларенс воскликнул:

– Ой! Сюзи, гляди!

Фургон снова был довольно далеко. А на дороге, прямо перед ними, отрезав им путь, появилось удивительное существо.

С первого взгляда оно было похоже на собаку, не на честного сторожа, отбившегося от каравана какого-нибудь гуртовщика, а на шелудивого, жалкого,

бездомного, приبلудного пса. Он был весь такой тощий, грязный, облезлый, неуклюжий, ленивый! Но, приглядевшись повнимательней, они увидели, что седоватая щетина у него на спине стоит торчком, бока покрыты отвратительными подпалинами, задние лапы не боязливо поджаты, а просто такие от природы. Пес поднял настороженную морду, и они увидели, что его тонкие губы слишком коротки и не прикрывают белых клыков, оскаленных, словно в вечной улыбке.

– Собачка, собачка! – сказал Кларенс взволнованно. – Собаченька! Поди сюда.

Сюзи торжествующе засмеялась.

– И ничего это не собачка, дурачок, это койот.

Кларенс покраснел. Уже не в первый раз дочь пионера давала ему почувствовать свое превосходство. Он быстро сказал, пряча смущение:

– Все равно я его поймаю. Подумаешь, койотик несчастный!

– А вот и не поймаешь, – сказала Сюзи, качая головой. – Он быстрее лошади бегают.

И все же Кларенс подбежал к койоту, а за ним и Сюзи. Подпустив их футов на двадцать, ленивое существо без видимого усилия сделало несколько неуклюжих скачков и остановилось на прежнем расстоянии. Они с веселым увлечением повторили свою атаку несколько раз, и зверь все отступал перед ними, хотя и не убегал. Наконец обоим пришло в голову, что если им его не поймать, то и прогнать тоже не удастся. И тогда Сюзи, многозначительно округлив глаза, высказала вслух опасение, рожденное этой догадкой:

– Кларенс, а ведь он кусается.

Кларенс поднял твердый, спекшийся под солнцем комок земли и с разбегу швырнул в койота. Бросок был меткий. Ком угодил койоту в заднюю лапу. Зверь ощерился, коротко, злобно тьякнул и скрылся. Кларенс с победоносным видом вернулся к своей подружке. Но она пристально всматривалась куда-то в сторону, и тут он в первый раз заметил, что, гонясь за койотом, они описали полукруг.

– Клаленс, – сказала Сюзи с коротким отчаянным смешком.

– Чего?

– Фургон уехал.

Кларенс вздрогнул. В самом деле, не только фургон, но весь караван и погонщики, исчез бесследно, словно его унес ураган или поглотила земля! Даже низкого облака пыли, которое стлалось вслед за ним и днем было видно издалека, и того не осталось. Широкая прерия тянулась вдаль, к заходящему солнцу, без признака, без малейшего следа жизни или движения. Огромная голубая прозрачная чаша, днем наполненная пылью и светом, а ночью темнотой и звездами, края которой, казалось, замыкали мир со всех сторон, теперь словно приподнялась, пропустив караван, а их снова прикрыла навеки.

Глава II

Первым их ощущением была радость зверенышей, почуввавших свободу.

Они молча поглядели друг на друга сияющими глазами и глубоко вздохнули. Но эта невольная вспышка диких инстинктов скоро угасла. Ручонка Сюзи протянулась к Кларенсу и ухватилась за его курточку. Мальчик понял и сказал поспешно:

– Далеко уехать они не могли, а как хватятся нас, сразу остановятся.

И они пустились рысцой; солнце, вслед за которым они двигались каждый день, и недавние следы колес безошибочно указывали путь; свежий, прохладный воздух прерий, очистившись от вездесущей пыли и запаха бычьего пота, овевал и бодрил ребятишек.

– Совсем не страшно, правда? – сказала Сюзи.

– А чего бояться? – презрительно отозвался Кларенс.

Он произнес это с тем большей убедительностью, что вдруг вспомнил, как часто их на целые часы оставляли в фургоне одних, без присмотра, и теперь их отсутствие могут не заметить до тех пор, пока часа через два караван не остановится на ночлег. Они бежали не очень быстро, но то ли сами не замечали, как устали, то ли воздух стал разреженной, во всяком случае, оба сильно запыхались. Вдруг Кларенс остановился.

– Вон они.

Он указал на легкое облачко пыли далеко на горизонте, в котором на миг мелькнул и вновь пропал темный силуэт фургона. Но пока они вглядывались в даль, облако, как волшебный мираж, опускалось все ниже к земле, и вот уже караван исчез без следа, и впереди опять тянулась только пустая колея. Они не знали, что прерия, казавшаяся такой плоской и ровной, на самом деле была холмистой, и исчезнувший караван просто скрылся из вида за каким-нибудь дальним склоном точно так же, как и раньше. Однако они почувствовали разочарование, и от этого прорвалось наружу то, что они до сих пор скрывали друг от друга. Девочка не выдержала первая, из глаз ее брызнули злые слезы. Этого проявления слабости было довольно, чтобы вызвать в мальчике прилив гордости и сил. Теперь они уже не были равны в беде; он стал ее защитником, он почувствовал себя ответственным за них обоих. Не считая ее больше ровней, он перестал быть с ней искренним.

– Ну, чего нюни распустила! – сказал он с напускной грубостью. – Перестань, слышишь! Вот сейчас они остановятся и пошлют кого-нибудь за нами. А может, и послали уже.

Но Сюзи, уловив с женской пронизательностью неискреннюю ноту в его голосе, набросилась на мальчика и принялась яростно колотить его кулачками.

– Никого они не послали! Никого! Никого! Сам ведь знаешь! Как не стыдно врать!

Обессиленная этим порывом, она вдруг бросилась ничком в траву, крепко зажмурила глаза и вцепилась в сухие стебли.

– Вставай, – сказал мальчик, бледный, решительный, словно сразу повзрослевший.

- Отстань! - огрызнулась Сюзи.

- Ты что ж, хочешь, чтоб я ушел, а тебя бросил? - сказал мальчик.

Она украдкой приоткрыла один синий глаз под надежным прикрытием капора и взглянула на его преобразившееся лицо.

- Ну и пу-у-усть.

Он сделал вид, будто хочет уйти, но на деле только повернулся и взглянул на заходящее солнце.

- Клаленс!

- Ну?

- Подними меня.

Она протянула руки. Он осторожно поднял ее с земли, взял на руки и положил ее голову к себе на плечо.

- Ну вот что, - сказал он, - ты хорошенько гляди в ту сторону, а я в эту, и мы их живо найдем.

Эта мысль ей как будто понравилась. Несколько секунд Кларенс шел спотыкаясь, в молчании, потом она спросила:

- Ты видишь чего-нибудь, Клаленс?

- Ничего.

- И я ничего.

Такое равенство между ними, очевидно, ее успокоило. Вскоре девочка поникла у него на руках. Она заснула.

Солнце садилось; вон оно уже коснулось края горизонта и светило теперь ему прямо в усталые глаза. Иногда оно совсем слепило его, мешало смотреть. Горизонт подернулся дымкой, среди которой плавали черные пятна, и от однообразной поверхности прерии отсвечивали круги, словно двойники солнца. Тогда он решил не смотреть вперед, пока не сосчитает до пятидесяти, потом до ста, но результат был все тот же – он снова видел лишь пустынную, безбрежную прерию, солнечный диск, который, опускаясь за горизонт, становился все багровее, да зарево, которое занималось от этого диска, и больше ничего.

Шатаясь под тяжестью своей ноши, он пробовал отвлечься, воображая, как будет обнаружено их отсутствие. Он словно услышал угрюмые, недовольные голоса, спорящие, как всегда по вечерам, о месте ночлега. Услышал недовольный голос Джона Силсби, когда тот остановился возле их фургона и сказал: «Ну-ка вылазьте оба, да поживей!» Услышал, как он строго повторил свой приказ. Увидел раздражение на пропыленном, обросшем щетиной лице Силсби, когда он быстро заглянул в пустой фургон. Услышал возглас: «И куда только подевались эти чертенята?» – который летит от фургона к фургону. Услышал ругательства, высокий, визгливый голос миссис Силсби, проклятия по своему адресу, и вот Силсби хмуро и поспешно отправляется на поиски с одним из наемных работников, а там пойдут крики, попреки. Попреки всегда достаются ему, старшему, который должен «быть умнее». Легкий испуг, пожалуй, но ни жалости, ни сочувствия с их стороны он не мог себе представить. Возможно, мысль эта укрепила в нем чувство гордости; если б его ждало сочувствие, он, наверное, не выдержал бы.

Он споткнулся и вынужден был остановиться, чтобы не упасть ничком. Идти дальше он не мог; он задыхался; пот катил с него градом; ноги подкашивались, в ушах стоял гул; багровые пятна расплескались вокруг него, как пятна крови. Справа от тропы оказался пригорок, где можно было присесть отдохнуть, не переставая бдительно следить за горизонтом. Но, дойдя до пригорка, он увидел, что это лишь заросли высокой травы, и вошел в них со своей ношей. Трава хоть мешала ему видеть прерию, все же оказалась удобным ложем для Сюзи, которая спала как ни в чем не бывало, словно просто прилегла вздремнуть, она кое-как защищала девочку от холодного ветра, подувшего с запада. Измученный вконец, но боясь поддаться сковывающему его оцепенению, Кларенс не то присел, не то опустил на колени рядом с ней, упираясь одной рукой в землю, и, полускрытый высокой травой, напряженно смотрел на пустую тропу.

Багровый диск опускался все ниже. Его жадное пламя, казалось, уже поглотило часть расстояния. Когда солнце опустилось совсем низко, оно метнуло длинные сверкающие лучи, веером рассыпавшиеся по прерии, и взволнованному мальчику почудилось, будто оно тоже ищет заблудившихся детей. Когда один длинный луч задержался над их убежищем, он подумал даже, что этот луч может указать дорогу Силсби и его спутникам, и, с трудом встав на ноги, выпрямился, чтобы на него падал свет. Но луч вскоре угас, и тогда Кларенс снова присел, борясь со сном. Он знал, что до темноты еще добрый час, и когда исчезает таинственное великолепие заката, все вокруг видно еще ясней и отчетливей. Теперь, когда огненный меч, который рассекал пространство между ними и исчезнувшим караваном, был наконец-то вложен в ножны, глаза мальчика почувствовали желанное облегчение.

Глава III

Когда солнце зашло, воцарилась зловещая тишина. Кларенс прислушивался к тихому дыханию Сюзи, и ему казалось даже, что он слышит среди этого гнетущего безмолвия всей природы удары собственного сердца. Ведь днем караван всегда двигался под монотонный скрип колес и осей, и даже тишину ночлега так или иначе нарушали люди, беспокойно ворочавшиеся в фургонах, или сопение быков. Здесь же – ни шороха, ни шевеления. Болтовня Сюзи или даже звук его собственного голоса разрушили бы томительную тишину, но теперь он в своем самоотречении боялся тревожить девочку даже шепотом. Быть может, она и так скоро проснется от голода и жажды, и тогда что ему делать? Ах, если бы долгожданная помощь подоспела вот сейчас, пока она спит! Его мальчишеское воображение говорило ему, что, если он сможет вернуть ее родителям спящей, уберечь от страха и страданий, он хоть отчасти искупит свою вину, а она скорее забудет о случившемся. А если помощь не придет... Нет, он не хотел об этом думать! Если Сюзи тем временем захочет пить, что ж, может быть, пойдет дождь, и к тому же по утрам всегда выпадает роса, которую они так часто, забавляясь, стряхивали с травы; он снимет с себя рубашку и соберет в нее дождевые капли, как моряк, потерпевший кораблекрушение. Это будет смешно, и она развеселится. Но он сам смеяться не будет; он чувствовал, что среди этого одиночества становится совсем взрослым.

Темнеет. Сейчас они, наверное, уже шарят по фургонам. И тут его начали одолевать новые сомнения. Может быть, теперь, когда он отдохнул немного, а

ночная тьма еще не сгустилась, воспользоваться тем, что заря на западе еще не догорела и может послужить ему ориентиром? Но он боялся разбудить Сюзи! Что ее ждет? Страх снова оказаться один на один с ее страхом, не иметь возможности успокоить ее побудил его остаться на месте. И все же он тихонько выполз из травы и на пыльной тропе обозначил четыре стороны света, пока еще можно было определить их по закату, отметив запад большой печатной буквой З. Мальчик был очень горд этой своей выдумкой. А будь у него под рукой еще шест, палка или хотя бы сук, он привязал бы к нему носовой платок и поднял этот флаг над травой, как опознавательный знак, на случай, если его одолеет усталость или сморит сон, и тогда был бы совсем счастлив. Но вокруг него не было ни деревца, ни кустика; и он даже не подозревал, что именно это, а также укромность их убежища спасет их от грозной опасности.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Сент-Джо – Сент-Джозеф, город на востоке США.

2

Кристофер Карсон – известный в прошлом веке американский охотник.

Купить: https://tellnovel.com/ru/bret-gart_frensis/stepnoy-naydenysh

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)